
ИДЕИ И ПРАКТИКА

Б.О. СОКОЛОВ, М.А. ЗАВАДСКАЯ, Э.А. КАМАЛОВ *

ФАКТОРЫ МАССОВОЙ ПОДДЕРЖКИ ПРАВИТЕЛЬСТВА В УСЛОВИЯХ ПРОВЕДЕНИЯ СТРУКТУРНЫХ РЕФОРМ¹

Аннотация. Любая страна, чтобы не быть сброшенной с «парохода современности», должна периодически проводить масштабные внутренние преобразо-

---

* **Соколов Борис Олегович**, кандидат политических наук, старший научный сотрудник лаборатории сравнительных социальных исследований им. Рональда Ф. Инглхарта, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: bssokolov@gmail.com; **Завадская Маргарита Андреевна**, PhD, старший научный сотрудник лаборатории сравнительных социальных исследований им. Рональда Ф. Инглхарта, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург, Россия); научный сотрудник, Европейский университет в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург, Россия); научный сотрудник Александровского института, Хельсинкский университет (Хельсинки, Финляндия), e-mail: mzavadskaya@eu.spb.ru; **Камалов Эмиль Альфредович**, кандидат философских наук, младший научный сотрудник лаборатории сравнительных социальных исследований им. Рональда Ф. Инглхарта, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург, Россия); аспирант факультета политических наук, Европейский университет в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: em.kamalov@gmail.com

¹ Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) и с использованием средств субсидии в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5–100».

© Соколов Б.О., Завадская М.А.,
Камалов Э.А., 2021

DOI: 10.31249/poln/2021.02.03

вания. Однако структурные реформы редко проходят безболезненно для населения. Как показывают исследования на материале США и европейских стран, частым последствием таких реформ оказывается снижение уровня поддержки правительства. Этот процесс может проявляться многообразно: и в падении рейтингов одобрения власти или снижении уровня доверия правительству, и в уменьшении готовности голосовать за представителей правящей партии на выборах. Всё это может, в свою очередь, привести к проблемам с легитимностью действующей власти и – в худшем сценарии – дестабилизации политической системы страны в целом. Возможно ли соблюсти баланс между необходимостью преобразований и сохранением доверия к власти со стороны общества? Может ли правительство провести болезненную реформу без того, чтобы стать объектом всеобщей ненависти? Какие условия могут этому благоприятствовать? Хотя факторы массовой поддержки власти являются одной из центральных тем в современной политической науке, внятные ответы на поставленные выше вопросы пока что не получены. В настоящей статье исследуются возможности правительства по сохранению массовой поддержки в условиях проведения непопулярных структурных реформ. Особое внимание уделяется использованию стратегии фреймирования общественного мнения. На основе анализа теоретической литературы и эмпирических исследований политической поддержки в России выделяются основные факторы, которые могут способствовать эффективности данной стратегии в отечественном контексте.

Ключевые слова: структурные реформы; ретроспективное голосование; избегание ответственности; поддержка правительства; фреймирование; общественное мнение.

Для цитирования: Соколов Б.О., Завадская М.А., Камалов Э.А. Факторы массовой поддержки правительства в условиях проведения структурных реформ // Политическая наука. – 2021. – № 2. – С. 73–104. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.02.03>

Введение

Каждое общество рано или поздно вынуждено проводить структурные реформы в стратегически значимых областях для обеспечения устойчивого долгосрочного развития и экономического роста. Особенно остро этот вопрос встает в кризисные периоды – наподобие событий 2008–2009 гг. в мировой экономике или нынешней пандемии COVID-19, – когда уязвимости сложившегося порядка обнажаются, а запрос на перемены становится настоящим массовым.

Любая структурная реформа является политической и, соответственно, выявляет выигравших и проигравших [Gourevitch, 1986]. Такие реформы нередко сопровождаются болезненными

экономическими потрясениями для широких слоев, что чревато последствиями для затеявшего их правительства [Pierson, 1994; Pepinsky, 2012]. В современной политологии и политической экономике сложился консенсус относительно того, что реформы, связанные с сокращением государственных расходов¹, обычно являются крайне непопулярными и ведут к резкому падению политической поддержки правительства² и, как следствие, дестабилизации или даже крушению политического режима [Linz, Stepan, 1978; Fiorina, 1981; Gasiorowski, 1995; Haggard, Kaufman, 2008; Lewis-Beck, Stegmaier, 2000; Hobolt, Tilley, 2014; Magaloni, 2006].

Так, недавняя пенсионная реформа в Российской Федерации и ее основная мера – повышение пенсионного возраста – спровоцировали кризис доверия властям и вызвали волну протестов в столице и регионах. Законопроект о реформе был внесен в Государственную думу председателем Правительства РФ Д.А. Медведевым 16 июня 2018 г. Уже в июле «Левада-центр» зафиксировал значительное падение уровня поддержки В.В. Путина: если в мае 2018 г. рейтинг одобрения президента составил 79%, то через два месяца он опустился до 67% (доля респондентов, не одобряющих деятельность президента, выросла с 20 до 32%). Подобная динамика наблюдалась и в уровне поддержки других ключевых персон и институтов отечественной политической системы³: рейтинг одобрения Медведева снизился с 42 (апрель 2018 г.) до 31% (июль 2018 г.), Правительства РФ – с 47 (апрель 2018 г.) до 37% (июль 2018 г.), Государственной думы – с 43 (май 2018 г.) до 33% (июль 2018 г.)⁴.

Снижение уровня поддержки власти оказалось не сиюминутной эмоциональной реакцией, а действительно долгосрочным

---

¹ В англоязычной литературе такие реформы обычно обозначаются термином *welfare retrenchment* [Pierson, 1994; Starke, 2006].

² В данном исследовании термин «правительство» понимается расширенно, как набор ключевых и, возможно, персонифицированных институциональных постов политической системы.

³ Одобрение органов власти // Левада-центр. – 2020. – Режим доступа: <https://www.levada.ru/indikatory/odobrenie-organov-vlasti/> (дата посещения: 15.06.2020).

⁴ Интересно, что реформа никак не отразилась на рейтингах губернаторского корпуса (56% одобряющих в мае и 55% – в июле). Данное наблюдение позволяет предположить, что многие граждане смогли корректно идентифицировать политических акторов, инициировавших реформу, поэтому и атрибутировали ответственность прежде всего федеральным, а не региональным игрокам.

явлением: в мае 2019 г. ВЦИОМ зафиксировал антирекорд доверия Путину за 13 лет – 31,7% (весной 2018 г. ему доверяли 57,2%¹), а в опросах «Левада-центра» после июня 2018 г. рейтинг одобрения президента ни разу не превышал 70%, что значительно ниже исторического среднего значения. Недовольство реформой является поистине всеобщим: согласно исследованию Центра независимой общественной экспертизы АКЦИО, проведенному в конце 2019 г., доля респондентов, выразивших отрицательное отношение к пенсионной реформе, варьируется от 88% среди людей, относящих себя к низшему социальному слою, до 71% среди относящих себя к слою высшему².

Учитывая, что российское население в массе своей разделяет патерналистские взгляды в вопросах экономической политики [Cook, 2011; Pop-Eleches, Tucker, 2017; Social capital and preferences ..., 2018], можно заключить, что и последующие меры по внедрению рыночных элементов в тех сферах, где сохраняется унаследованная с советских времен «бесплатная» модель предоставления коллективных благ (например, здравоохранение или образование), хотя и являются необходимыми³ [Российское здравоохранение ..., 2006; Сенашенко, Ткач, 2010; Youth protests against ..., 2014; Шишкин, 2014], в то же время не будут пользоваться популярностью, негативно скажутся на отношениях населения и власти и с большой долей вероятности приведут к росту протестной активности [Welfare reform ..., 2019; Logvinenko, 2020].

Вместе с тем иногда стране, оказавшейся в тяжелых экономических условиях, удастся сохранять не только политическую стабиль-

---

¹ ВЦИОМ: рейтинг доверия россиян Путину опустился до минимума за 13 лет // Ведомости. – 2019. – 24 мая. – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2019/05/24/802439-vtsiom-reiting-doveriya-k-putinu-opustilsya-do-minimuma-za-13-let> (дата посещения: 15.06.2020).

² Чем выше статус – тем лучше отношение к пенсионной реформе : опрос, 1 января // Регнум. – 2020. – Режим доступа: <https://regnum.ru/news/society/2811301.html> (дата посещения: 15.06.2020).

³ Путин заявил о «провале» первичного звена российской медицины // РБК. – 2019. – 20 августа. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/rbcfreeneews/5d5c42389a7947540856e39a> (дата посещения: 14.04.2020); Ливанов Д. Физика твердого тела // Российская газета. – 2012. – № 114 (5787). – Режим доступа: <https://rg.ru/2012/05/21/livanov-site.html> (дата посещения: 14.04.2020); Сергеев М. Счетная палата зафиксировала развал здравоохранения // Независимая газета. – 2020. – 27 января. – Режим доступа: http://www.ng.ru/economics/2020-02-27/4_7805_healthcare.html (дата посещения: 14.04.2020).

ность, но даже обеспечить гражданский консенсус по поводу непопулярных политических мер [Pierson, 1994; Starke, 2006; Beissinger, Sasse, 2014; Barta, 2018; Pepinsky, 2012]. Однако какие именно условия способствуют такому развитию событий и насколько вероятен такой сценарий в России, остается неясным [Hellman, 1998; Robertson, 2011].

Возможно ли соблюсти баланс между необходимостью преобразований и сохранением доверия к власти со стороны общества? Может ли правительство провести болезненную реформу без того, чтобы стать объектом всеобщей ненависти? Какие условия могли бы этому поспособствовать? Хотя факторы массовой поддержки власти являются одной из центральных тем в современной политической науке, исчерпывающие ответы на поставленные выше вопросы пока не получены.

В данном исследовании предлагается краткий обзор литературы по таким темам, как (1) ретроспективное голосование, атрибуция ответственности и политика избегания вины; (2) политические эффекты реформ в сфере социального обеспечения; (3) эмпирические исследования политической поддержки в России. На основании этого обзора формулируются предложения по поводу возможных стратегий, нацеленных на сохранение уровня поддержки правительства в условиях проведения непопулярных структурных реформ. Особое внимание уделяется стратегии фреймирования общественного мнения. Также выделяются ключевые факторы, которые могут способствовать эффективному фреймированию реформ в современных российских условиях. В заключение обсуждаются перспективы эмпирической проверки высказанных соображений с помощью метода совместных опросных экспериментов.

Политическая поддержка и реформы сферы социального обеспечения

Пожалуй, наиболее влиятельной теорией, описывающей механизмы массовой политической поддержки, является модель ретроспективного голосования [Key, 1966; Fiorina, 1981]. Базовая идея этой модели проста: избиратели¹ оценивают правительство по результатам

---

¹ Модель ретроспективного голосования была изначально разработана на американском материале, поэтому обычно она формулируется на примере изби-

его деятельности. Если экономическая ситуация в стране на момент выборов является хорошей, они вознаграждают правительство за достижения, голосуя за него. Если же в экономике налицо проблемы, то они наказывают правительство за допущенные ошибки, голосуя за его оппонентов. Конечно, на практике избиратели могут неправильно оценивать деятельность правительства и степень его ответственности за происходящее в стране в целом и экономике в частности, но подобное нерациональное поведение проявляется далеко не всегда и к тому же часто носит вполне предсказуемый характер [Healy, Malhotra, 2013].

Следуя модели ретроспективного голосования, логично предположить, что урезание финансирования системы социального обеспечения в той или иной сфере должно вести к снижению популярности правительства и его электоральному «наказанию» [Pierson, 1996; Brooks, Manza, 2006 a; Brooks, Manza, 2006 b]. Действительно, масштабные программы социального обеспечения обычно имеют массовую поддержку (даже в авторитарных режимах, хотя там это зачастую не электоральная, а селекторальная – в терминах Буэно де Мескиты [The logic of political survival, 2003; Mares, Carnes, 2009, p. 98–101] – поддержка) и создают значимую институциональную инерцию [Starke, 2006, p. 105], в силу чего их отмена представляется затруднительной с политической точки зрения – как в терминах институциональных преобразований, так и в терминах политического выживания.

Практика, однако, показывает, что урезание социальных расходов не всегда приводит к электоральным неудачам или падению рейтингов правительства [Mares, Carnes, 2009, p. 106]. В контексте демократических режимов этому можно найти два объяснения [Wenzelburger, Hörisch, 2016]. Во-первых, некоторые избиратели

рателей, голосующих за или против правительства на выборах. Однако лежащая в ее основе логика вполне может применяться к контекстам, где выборы отсутствуют вовсе или не играют решающей роли в механизме обеспечения легитимности правящей элиты: в этом случае можно просто заменить избирателей на граждан, а голосование – на абстрактный «уровень поддержки» [Treisman, 2011]. Тем более она применима к тем режимам (так называемые соревновательные – в терминах Левицки и Уэя [Levitsky, Way, 2010] – или электоральные – в терминах Шедлера [Schedler, 2006] – авторитарные режимы), которые не являются в полном смысле демократическими, но в то же время сохраняют электоральный «фасад» [Rosenfeld, 2018].

могут не наказывать власти в силу рациональных причин: потому что они (а) высоко оценивают эффективность деятельности текущего состава правительства [Giger, 2010], или (б) не одобряют систему социального обеспечения в целом или в конкретной сфере, например, в силу ее затратности [Giger, Nelson, 2013], или (в) потому что их непосредственное материальное благополучие реформой не затрагивается [Jensen, 2012]. Во-вторых, власти могут успешно пользоваться различными стратегиями избегания ответственности (или вины – *англ.* blame avoidance¹ [Weaver, 1986; Giger, Nelson, 2011]).

Термин «избегание ответственности» концептуально близок популярному в работах по теории ретроспективного голосования термину «атрибуция ответственности» (*англ.* blame attribution), однако он характеризует поведение не граждан, а политиков и чиновников. Последние могут заранее понимать, что конкретная реформа приведет к снижению популярности проводящего его правительства, в силу чего захотят принять различные меры, позволяющие свести к минимуму негативные последствия реформы для собственной поддержки массами. Такое поведение представляется рациональным, так как рядовые граждане подвержены когнитивному искажению, известному как смещение в сторону негативной информации (*англ.* negativity bias) – предположительно универсальному свойству человеческой психики уделять больше внимания негативной, а не позитивной информации [Rozin, Royzman, 2001]. В плане политической поддержки это работает таким образом, что отрицательные последствия действий политика чаще фиксируются гражданами (особенно если эти последствия акцентируются политическими конкурентами), воспринимаются более эмоционально и в конечном счете имеют больший вес в установке по отношению к данному политику, чем соизмеримые по масштабу положительные изменения [Lau, 1985; Weaver, 1986; Klein, 1991; Soroka, McAdams, 2015].

Существуют разнообразные стратегии, позволяющие заинтересованным акторам избежать негативных последствий за проведение конкретных реформ: (1) делегирование юридической ответственности за принятие решения другим институциональным

---

¹ В литературе в качестве синонимичных указанному используются термины *blame game* и *blame shifting*.

игрокам при ограничении свободы маневра последних; (2) предоставление компенсаций наиболее пострадавшим группам населения; (3) фреймирование восприятия реформы гражданами путем акцентирования ее положительных аспектов и ретуширования негативных [Weaver, 1986; König, Wenzelburger, 2014; Wenzelburger, Hörisch, 2016]¹.

Эти стратегии были изначально выделены на данных по развитым западным демократиям. Тот же материал породил гипотезу, согласно которой в отсутствие электоральной конкуренции правительство не так чувствительно к народному недовольству и поэтому способно проводить гораздо более жесткие (в терминах их последствий для массового благосостояния) реформы [Kitschelt, 2001]. Предполагается, что автократии могут справиться с последствиями кризиса благодаря поддержке заинтересованных групп [Pepinsky, 2009; Pepinsky, 2012]. Более того, при распространении клиентелистских отношений экономический спад может укрепить электоральное доминирование правящей элиты благодаря увеличению доли потенциальных клиентов, цена голосов которых «дешевеет» и становится доступнее для «продажи», поскольку патронаж становится более востребованным [Diaz-Cayeros, Estevez, Magaloni, 2016; Brokers, voters, and clientelism ..., 2013; Golosov, 2016]. Помимо патронажа, такие режимы могут эффективно контролировать поведение граждан, трудоустроенных в госсекторе [Frye, Reuter, Szakonyi, 2014]. Однако подобные меры, скорее, позволяют справиться с последствиями падения массовой поддержки, чем остановить само это падение, так как было показано, что и во многих авторитарных режимах уровень одобрения власти остается функцией состояния экономики (убедительный анализ российских данных приводится в [Treisman, 2011]).

Ряд исследований показывает, что и в не вполне демократических режимах политики могут прибегать к использованию различных методов избегания ответственности за негативные последствия своих действий [Guriev, Treisman, 2019; Guriev, Treisman, 2020; Rozenas, Stukal, 2019; Rosenfeld, 2018; Beazer, Reuter, 2019], в том числе и за непопулярные реформы. Хотя работ на эту тему

---

¹ Данный перечень не является исчерпывающим; он включает только основные стратегии избегания ответственности, которым уделяется больше всего внимания в соответствующей литературе.

пока мало, можно предположить, что в таких режимах вполне эффективной и привлекательной для власти стратегией может быть фреймирование общественного мнения, т.е. направленное информационное воздействие на установки населения по отношению к проводимой реформе с целью акцентировать те или иные положительные аспекты реформы в индивидуальном восприятии и, соответственно, минимизировать роль соображений, которые выставляют действия правительства в неблагоприятном свете¹ [Chong, Druckman, 2007 b; Scheufele, Iyengar, 2017].

Каким образом данная стратегия может быть использована в авторитарном контексте? Как показывают недавние исследования, в последние десятилетия в большинстве авторитарных режимов власти в вопросах поддержания стабильности и подавления оппозиции все больше полагаются не на насилие, а на точечные манипуляции с информацией: такая стратегия представляется более эффективной в плане достижения поставленных целей и менее чреватой в плане издержек по сравнению с прямыми репрессиями [Guriev, Treisman, 2019; Guriev, Treisman, 2020].

В авторитарных режимах использование фреймирования облегчается тем, что в публичном поле практически не присутствуют влиятельные контрфреймы. Их отсутствие может повышать эффективность фреймирования даже в демократических режимах [Chong, Druckman, 2007 a], а авторитарные режимы, наподобие российского, обладают куда большим влиянием на медиaprостранство и способны эффективно ограничивать возможности оппозиции по продвижению альтернативных точек зрения по проблемным вопросам как за счет прямой цензуры или даже репрессий, так и не прямых мер, связанных с формированием системы стимулов, поощряющих самоцензуру в СМИ [Gehlbach, 2010; Enikolopov, Petrova, Zhuravskaya, 2011; Guriev, Treisman, 2019], или дискреди-

---

¹ В настоящей статье термин «фреймирование» понимается в духе определения, даваемого Чонгом и Дракманом так называемым коммуникационным фреймам (*англ.* frame in communication) [Chong, Druckman, 2007 b, p. 106]. Также важно отличать фреймирование от близких понятий «прайминг» (*англ.* priming) и «формирование повестки» (*англ.* agenda setting): в отличие от этих способов воздействия на общественное мнение, фреймирование подразумевает исключительно работу с акцентами при освещении некоторого события, а не попытки его замалчивать или переключать внимание на иные, синхронные первому событию [Scheufele, Iyengar, 2017].

тацией оппозиционных источников в социальных сетях [Sanovich, Stukal, Tucker, 2018; Sobolev, 2018].

Применительно к российскому контексту некоторые авторы утверждают, что фреймирование как таковое если и используется в отечественном медиапространстве, то лишь в довесок к более примитивным пропагандистским методам. Впрочем, такая точка зрения базируется на нормативной посылке о том, что «фреймирование как медиаэффект отсылает прежде всего к непреднамеренному воздействию журналиста на общественное мнение», тогда как провластные российские СМИ (доминирующие в общественно-политическом дискурсе страны) стремятся целенаправленно влиять на политические установки населения [Савин, Чмель, 2017]. Более распространенная трактовка фрейм-эффектов в современной политологии, напротив, вовсе не исключает интенциональный характер воздействия, так как конечной целью является изменение конкретной установки избирателя / гражданина [Chong, Druckman, 2007 b].

Большинство исследователей не ставят под сомнение тот факт, что сегодня в России государство прямо или косвенно контролирует большую часть медиапространства и влияет на транслируемые основными СМИ или иными медиаканалами политические сигналы [Gehlbach, 2010; Petrov, Lipman, Hale, 2014; Guriev, Treisman, 2019]. Однако существуют свидетельства того, что установки российского населения уязвимы к контрфреймированию – т.е. их позиции по определенным политическим проблемам могут меняться при знакомстве с альтернативными точками зрения. Более того, этот эффект оказывается сильнее среди тех, для кого основным источником информации являются государственные телеканалы [Savin, Kashirskikh, Mavletova, 2018].

Таким образом, хотя существуют теоретические аргументы в пользу того, что медиафреймирование может быть эффективной стратегией избегания вины, с практической точки зрения не вполне ясно, (1) насколько эти аргументы работают в российском контексте и (2) как различается относительная эффективность различных тактик фреймирования, доступных режиму. Очевидно, что соображения, представленные в этом разделе, требуют тщательной эмпирической проверки. Однако перед тем, как перейти к обсуждению исследовательских стратегий, которые позволили бы осуществить такую проверку, стоит сначала выделить наиболее пер-

спективные основания для конструирования фреймов восприятия реформы населением РФ.

Факторы политической поддержки как основания для конструирования фреймов

Есть основания полагать, что и в демократических, и в авторитарных режимах фреймирование общественного мнения с помощью медиа может быть эффективной, если не оптимальной, стратегией избегания ответственности. Однако само по себе признание этого факта не позволяет понять, как именно эта стратегия работает на практике применительно к структурным реформам. Очевидно, что конкретные тактики фреймирования должны делать акцент на позитивных сторонах реформы (что в случае с патерналистским российским населением малоперспективно¹) или же на внешних обстоятельствах, которые делают эту реформу необходимой и неизбежной. В литературе, фокусирующейся на исследовании поддержки режима в России, выделяется ряд структурных факторов (которые распространяются и на иные режимы, в том числе на демократические), влияющих на рейтинги одобрения властных институтов. Под структурными факторами здесь понимаются контекстуальные переменные (состояние экономики, внешнеполитическая ситуация, характеристики самой реформы и т.д.), различные наборы значений которых создают общий фон проведения реформы. В этом смысле можно предположить, что, хотя сама непопулярная реформа будет отрицательно воздействовать на уровень массовой поддержки власти, негативный эффект будет

---

¹ Уровень поддержки универсалистских (т.е. распространяющихся на все население) механизмов социального обеспечения в постсоветской России в целом достаточно высокий, как в плане абсолютных показателей, так и в сравнении с другими европейскими странами. Особенно ярко это проявляется в отношении здравоохранения и заботы о пожилых людях [Salmina, 2014; van Oorschot, Gugushvili, 2019]. В связи с этим любая попытка отмены уже действующего подобного механизма будет по преимуществу восприниматься в негативном ключе (см., например, данные по восприятию пенсионной реформы, приведенные выше), что порождает определенные сомнения в плане эффективности акцентирования абстрактных будущих выгод для минимизации общественного недовольства конкретной реформой здесь и сейчас.

слабее в некоторых конфигурациях таких структурных факторов. Иными словами, задавая акценты на благоприятных значениях отдельных факторов или минимизируя негативные коннотации целой конфигурации, можно фреймировать общественное мнение в нужную сторону. Что же это за факторы?

Во-первых, речь идет о состоянии экономики страны в целом. Однако имеющиеся по этому поводу результаты исследований расходятся. Так, Д. Трейсман [Treisman, 2011] на основе анализа временных рядов показывает, что в периоды кризисов россияне оценивают эффективность президента заметно ниже в сравнении с временами экономического благополучия. В то же время Р. Роуз с соавторами [Rose, Mishler, Munro, 2004] не подтверждают такую закономерность, утверждая, что рейтинг власти остается стабильно высоким при любых потрясениях. Они, однако, используют кросс-секционные данные, что ограничивает возможности выявления причинно-следственных связей. Можно предположить, что в тяжелых экономических условиях – стагнация или рецессия – дополнительный удар по благосостоянию граждан в виде мер по сокращению государственного финансирования сферы социального обеспечения будет восприниматься населением тяжелее, чем в период экономического роста. При этом даже в таких условиях саму реформу можно позиционировать как способ избежать экономических проблем в будущем [Marx, Schumacher, 2016]. Подобная подача может работать и при благоприятном экономическом фоне, в котором можно также использовать идею о том, что «сытые времена» являются оптимальными для проведения преобразований, так как издержки не будут чересчур высокими.

Во-вторых, это внешнеполитическая обстановка. Как и во многих других странах, в России в момент обострения отношений с другими государствами (выраженные международные конфликты или войны) наблюдается эффект «единения вокруг знамени» (rally round the flag), проявляющийся в резком росте поддержки правительства, обусловленном активизацией чувства национальной идентичности и, шире, эмоционального компонента легитимности [Mueller, 1970; Pape, 1997; Treisman, 2011; Sirotkina, Zavadskaya, 2020]. В период экономических трудностей в 2014–2015 гг. федеральные каналы описывали экономические проблемы как следствие вредоносного влияния западных санкций [Is Putin's popularity real ..., 2017], возлагая тем самым вину за возможные

экономические последствия от санкций и контрсанкций на внешних акторов [Rozenas, Stukal, 2019]. При этом санкции воспринимались как попытка давить на российское руководство за присоединение Крыма. Именно благодаря такой подаче тема санкций стала важным фактором роста поддержки российской власти [Is Putin's popularity real ..., 2017]. Можно предположить, что использование идеологии «осажденной крепости» – вкуче с подчеркиванием положительного эффекта изменений в плане повышения эффективности режима и его способности противостоять внешнему давлению – может способствовать менее критичному восприятию реформы.

В-третьих, это непосредственно институциональный актор, ответственный за реформу. В президенталистских и персоналистских авторитарных режимах власть в куда большей степени ассоциируется с национальным лидером, чем в других типах политических систем. Поэтому гражданам не составляет проблемы определиться с «козлом отпущения», несущим ответственность за текущие трудности [Norpoth, 2001; Nadeau, Lewis-Beck, 2001; Maestas, Rugeley, 2008]. Эмпирические данные тем не менее показывают, что в условиях снижения экономического благосостояния вина за происходящее с помощью грамотной медиаполитики может переноситься с центрального актора системы на других игроков [Sirotkina, Zavadskaya, 2020].

Характерно, что, согласно рейтингам одобрения различных политических акторов от «Левада-центра», уровень поддержки президента в России исторически всегда превышал – обычно на десятки процентных пунктов – уровень поддержки премьер-министра, правительства или парламента. Также характерно, что упомянутый в начале статьи законопроект о пенсионной реформе в Государственную думу внес не президент, а премьер-министр. Впрочем, как следует из приводимых там же цифр, в абсолютных значениях падение уровней популярности В.В. Путина и Д.А. Медведева оказалось примерно одинаковым – 12% и 11% соответственно. Вместе с тем в относительных цифрах Медведев потерял четверть от своего дореформенного рейтинга, тогда как Путин – примерно одну седьмую. Таким образом, перенос ответственности за принятие непопулярного решения на второстепенных акторов системы в публичном освещении реформы может

снизить издержки для популярности центральных акторов (см. также: [Beazer, Reuter, 2019])¹.

В-четвертых, исследования в области массовых установок по отношению к реформам системы благосостояния в развитых демократиях показывают, что важную роль в смягчении негативной реакции и шоковых эффектов изменений для наиболее уязвимых групп играет использование точечных компенсаторных механизмов [Häusermann, Kurer, Traber, 2019]. Так как финансово необеспеченные слои населения (пенсионеры, люди с низкой заработной платой, бюджетники) с большей вероятностью проигрывают от реформы, то введение каких-то льгот для данных категорий может отчасти блокировать падение поддержки властей в результате нововведений. Похожий эффект наблюдали Лазарев с соавторами в исследовании политических эффектов природных пожаров 2010 г. в центральной России: в наиболее пострадавших от огня населенных пунктах уровень поддержки власти спустя год оказался выше, чем в не затронутых стихией местах. Произошло это именно потому, что погорельцам была своевременно оказана помощь и предоставлены компенсации [Trial by fire ..., 2014]. Поэтому акцентирование внимания на наличии компенсаторных механизмов и на том, что наиболее пострадавшие в результате реформы группы не будут брошены на произвол судьбы, также может рассматриваться в качестве эффективной тактики фреймирования².

В-пятых, известно, что в ходе перестройки и ранних постсоветских реформ политические и экономические институты развитых западных стран (прежде всего США) значительной частью российского общества воспринимались как модель для преобразования страны [Disillusionment and anti-Americanism in Russia ..., 2018]. Пиетет перед «развитым миром» до сих пор сохраняется у

---

¹ Выше отмечалось, что перенос ответственности сам по себе является одной из эффективных стратегий избегания вины. Такой перенос, однако, может принимать разные формы: юридическую, административную и т.д. В этом абзаце этот способ рассматривается преимущественно в плане расстановки акцентов в СМИ, так что представляется правильным трактовать его как вариант стратегии фреймирования (или как синтез двух стратегий).

² Как и в случае с переносом ответственности, включение проработанных компенсаторных механизмов в программу реформы является отдельной стратегией избегания вины. Но освещение этих механизмов в медиапространстве относится к стратегии фреймирования.

некоторых граждан, поэтому ссылки на зарубежный опыт могут ослабить неприятие ими реформы.

Следует также отметить, что эффективность той или иной тактики фреймирования (т.е. акцента на конкретную контекстуальную характеристику реформы) может зависеть от факторов индивидуального уровня, которые могут усиливать или, наоборот, ослаблять воздействие сигналов, заложенных в тот или иной фрейм. Известно, что образованные люди в меньшей степени подвержены эффектам фреймирования, так как склонны критичнее относиться к получаемой информации и обладают лучшими навыками по ее анализу [Druckman, 2004; Chong, Druckman, 2007 b].

Еще одним фактором такого рода является интерес к политике: чем больше специализированных политических новостей люди потребляют и чем лучше они осведомлены о происходящем в стране, тем меньше на них должны воздействовать попытки фреймирования [Druckman, 2004]. Однако здесь важную опосредующую роль играют политические предпочтения: исследования американской политики показывают, что сторонники конкретной партии склонны в большей степени доверять сигналам от своей партии и отвергать информацию от другой партии [Slothuus, De Vreese, 2010]. Похожие эффекты были обнаружены и в российском контексте: те, кто изначально был настроен против правящей элиты, с большей готовностью поддерживают идею о связи между ошибочным политическим курсом и ухудшившимся материальным положением, а сторонники власти обычно ее отвергают [Сироткина, Завадская, 2016; Sirotkina, Zavadskaya, 2020]. Также определенную роль может играть канал потребления информации: телевидение (где практически не представлены альтернативные точки зрения), печатные СМИ или Интернет [Savin, Kashirskikh, Mavletova, 2018]. Интернет, например, гораздо тяжелее цензурировать и поэтому в нем шире представлены альтернативы провластной точке зрения, в силу чего эффективность фреймирования может оказаться ниже среди тех, для кого именно Интернет является основным источником информации.

Кроме того, ссылки на санкции обладают меньшим мобилизационным потенциалом в условиях, когда люди ощущают падение собственного экономического благосостояния – те, чье материальное состояние ощутимо ухудшилось за последние годы, в меньшей степени одобряют политику руководства страны [Sirotkina,

Zavadskaya, 2020]. Таким образом, уровень дохода индивида (или домохозяйства) и особенно его изменения в период перед медиавоздействием могут ослаблять или усиливать его эффект. Другие важные факторы индивидуального уровня, влияющие на отношение к власти в России и способные потенциально модерировать эффект различных фреймов, включают возраст (молодежь обычно является более оппозиционной) и регион проживания (в крупных городах выше доля людей с оппозиционными взглядами, а вот небольшие города и сельская местность обычно настроены провластно) [Treisman, 2011; 2014].

Таблица

Характеристики, определяющие эффект фреймирования реформы

Типы фреймов:	
1) контекстуальные	Состояние экономики
	Внешнеполитическая обстановка
	Формально ответственный за реформу
2) относящиеся к самой реформе	Компенсации социальным группам
	Соответствие западным стандартам
Характеристики индивидов, влияющие на эффективность фреймирования:	Образование
	Интерес к политике
	Политические предпочтения
	Типы потребляемых СМИ
	Уровень дохода индивида и его динамика
	Возраст
Регион проживания	

Перспективы эмпирической проверки выдвинутых соображений

В таблице суммированы факторы, влияющие на поддержку власти в России, которые могут использоваться в качестве основы для выстраивания стратегии управления повесткой и снижения негативных медийных последствий необходимых, но заведомо непопулярных структурных реформ. Эти факторы выделены по результатам анализа теоретической литературы. Хотя сама эта литература во многом основывается на эмпирических наблюдениях (в большей степени за западным, чем за российским опытом), сравнительная роль каждого из этих факторов в плане формирования установок российского населения по отношению к власти в целом и склонности к негативному восприятию реформ в частности остается неясной.

Как можно понять – с опорой на данные – какие из перечисленных факторов являются наиболее релевантными для указанных целей? Эмпирические исследования детерминант отношения российских граждан к власти в основном используют данные опросов общественного мнения на индивидуальном [Rose, Mishler, Munro, 2004] или агрегированном [Treisman, 2011] уровнях. Наиболее популярным аналитическим методом в таких исследованиях является регрессионный анализ – «рабочая лошадка» современных социальных наук. Проблема с подобной эмпирической стратегией заключается в том, что в регрессионных моделях трудно получить точные оценки эффективности конкретных факторов, которые могли бы интерпретироваться в причинно-следственных терминах. Более перспективным исследовательским дизайном в этом отношении представляются опросные эксперименты [Is Putin's popularity real ..., 2017; Sirotkina, Zavadskaya, 2020], которые за счет рандомизации одного или двух факторов позволяют избавиться от воздействия общих причин (*англ.* confounders) и тем самым получить относительно корректные оценки того, как эти факторы влияют на отношение людей к власти.

Представляется, что эффективным методом установить причинно-следственную связь между различными способами презентации болезненной структурной реформы в СМИ и уровнем поддержки правительства может быть такая разновидность опросных экспериментов, как совместный или комбинационный экспе-

римент (англ. *conjoint experiment*) [Green, Rao, 1971; Hainmueller, Hopkins, Yamamoto, 2014]. Этот метод широко применяется в политологии (а также в социологии, психологии и маркетинговых исследованиях, где, собственно, и был впервые предложен) и позволяет протестировать гипотезы относительно каузальных эффектов сразу нескольких факторов, а также их сочетаний по отношению к ценностям, установкам или электоральным предпочтениям в рамках компактного экспериментального дизайна¹.

Вкратце совместный эксперимент можно представить следующим образом: респондентам опроса предлагается прочитать несколько сценариев (т.е. описаний) контекста, в котором проходит предлагаемая реформа². Эти сценарии задаются различными наборами значений экспериментальных факторов (например, описанных выше), причем хотя бы по одному фактору значения между сценариями должны различаться. Сценарии при этом распределяются между респондентами случайным образом. Затем участникам эксперимента предлагается либо проставить оценки каждому сценарию, либо выбрать из предложенного пула один сценарий, в котором они полагают реформу наиболее уместной. Сравнивая оценки или вероятности выбора конкретного сценария, усредненные по различным значениям факторов, можно затем получить надежные статистические оценки того, насколько каждый фактор (т.е. соответствующий ему фрейм) повышает поддержку реформы или хотя бы снижает ее неприятие.

Комбинационные эксперименты часто используются для оценки политического курса или последствий реформ [Hainmueller, Hopkins, 2015; Gallego, Marx, 2017; Häusermann, Kurer, Traber, 2019], равно как и для оценки влияния разных факторов на степень поддержки деятельности конкретного политика (института) или вероятность проголосовать за него на выборах [Franchino, Zucchini, 2015; Carnes, Lupu, 2016; Horiuchi, Smith, Yamamoto, 2018]. Исследования, использующие комбинационные эксперименты, имеют

---

¹ Наиболее полное описание метода с точки зрения его использования в политологических задачах можно найти в работе: [Hainmueller, Hopkins, Yamamoto, 2014].

² Характеристики самой реформы остаются неизменными для всех респондентов; сами эти характеристики можно задать на основе конкретного законопроекта / опубликованного плана реформы или по результатам консультаций с экспертами в соответствующей сфере (здравоохранение, образование и т.д.).

преимущество по сравнению с обычными опросными экспериментами, которые позволяют одновременно проверять эффекты лишь небольшого числа воздействующих факторов. Более того, подобный исследовательский дизайн позволяет – путем введения в аналитические модели эффектов взаимодействия между контекстуальными факторами, отражающими конкретные фреймы, и индивидуальными характеристиками респондентов – проверить, как различные фреймы будут восприниматься представителями тех или иных социальных групп. Эти результаты могут оказаться полезными для более эффективного таргетирования информационных воздействий на различные группы населения.

Проверка выдвинутых выше гипотез с помощью подобного экспериментального дизайна, как представляется, позволит понять, насколько эффективными являются различные тактики избегания ответственности с помощью фреймирования общественного мнения, доступные политикам в авторитарных и гибридных режимах, равно как и проанализировать, насколько действенным может быть информационное обеспечение непопулярных реформ в относительно неконкурентных медиаконтекстах.

Заключение

В работе были представлены основные направления исследований избегания политической ответственности в ходе проведения структурных реформ. Также рассматривались возможности адаптации полученных в рамках данного направления результатов к российскому контексту – как на концептуальном уровне, так и на уровне методологии сбора и анализа данных. Представляется, что изучение политических последствий как уже состоявшихся, так и будущих структурных реформ социальной сферы в Российской Федерации открывает значительные возможности для сравнительно-ориентированных исследований в области политической поддержки и политической экономии, равно как и практико-ориентированного анализа (*англ.* Evidence-based policy making) стратегий минимизации общественного недовольства такими реформами.

Список литературы

- Российское здравоохранение: как выйти из кризиса / А.Г. Вишнеvский [и др.]. – М. : ГУ ВШЭ, 2006. – 25 с.
- Савин Н.Ю., Чмель К.Ш. Пределы применимости теории медийных фреймов в недемократических режимах // Коммуникации. Медиа. Дизайн. – 2017. – Т. 2, № 4. – С. 49–66.
- Сенашенко В.С., Ткач Г.Ф. О тенденциях реформирования российской высшей школы // Высшее образование в России. – 2010. – № 10. – С. 29–42.
- Сироткина Е.В., Завадская М.А. Когда власть несет ответственность за экономический кризис: исследование атрибуции ответственности власти в сравнительной перспективе // Политическая наука. – 2016. – № 4. – С. 242–261.
- Шшишкин Р.В. Российское здравоохранение: реформы или кризис? // Журнал новой экономической ассоциации. – 2014. – № 3. – С. 162–164.
- Barta Z. In the Red: the politics of public debt accumulation in developed countries. – Ann Arbor : University of Michigan press, 2018. – 210 p. – DOI: <http://dx.doi.org/10.3998/mpub.9726915>
- Beazer Q.H., Reuter O.J. Who is to blame? Political centralization and electoral punishment under authoritarianism // The journal of politics. – 2019. – Vol. 81, N 2. – P. 648–662. – DOI: <https://doi.org/10.1086/701834>
- Beissinger M.R. Sasse G. An end to “patience”? The Great Recession and economic protest in Eastern Europe // Mass politics in tough times: opinions, votes and protest in the great recession / N. Bermeo, L. Bartels (eds). – Oxford : Oxford university press, 2014. – P. 334–371.
- Brokers, voters, and clientelism: The puzzle of distributive politics / S.C. Stokes, T. Dunning, M. Nazareno, V. Brusco. – Cambridge : Cambridge university press, 2013. – 344 p.
- Brooks C., Manza J. Why do welfare states persist? // The journal of politics. – 2006 a. – Vol. 68, N 4. – P. 816–827. – DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1468-2508.2006.00472.x>
- Brooks C., Manza J. Social policy responsiveness in developed democracies // American Sociological Review. – 2006 b. – Vol. 71, N 3. – P. 474–494. – DOI: <https://doi.org/10.1177%2F000312240607100306>
- Carnes N., Lupu N. Do voters dislike working-class candidates? Voter biases and the descriptive underrepresentation of the working class // American Political Science Review. – 2016. – Vol. 110, N 4. – P. 832–844. – DOI: <https://doi.org/10.1017/S0003055416000551>
- Chong D., Druckman J.N. Framing public opinion in competitive democracies // American Political Science Review. – 2007 a. – Vol. 101, N 4. – P. 637–655. – DOI: <https://doi.org/10.1017/S0003055407070554>
- Chong D., Druckman J.N. Framing theory // Annual review of political science. – 2007 b. – Vol. 10. – P. 103–126. – DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.10.072805.103054>
- Cook L.J. Postcommunist welfare states: Reform politics in Russia and Eastern Europe. – New York : Cornell university press, 2011. – 268 p.

- Diaz-Cayeros A., Estévez F., Magaloni B.* The political logic of poverty relief: Electoral strategies and social policy in Mexico. – Cambridge : Cambridge university press, 2016. – 258 p.
- Disillusionment and anti-Americanism in Russia: From pro-American to anti-American attitudes, 1993–2009 / *B. Sokolov, R.F. Inglehart, E. Ponarin, I. Vartanova, W. Zimmerman* // *International Studies Quarterly*. – 2018. – Vol. 62, N 3. – P. 534–547. – DOI: <https://doi.org/10.1093/isq/sqy013>
- Druckman J.N.* Political preference formation: Competition, deliberation, and the (ir) relevance of framing effects // *American political science review*. – 2004. – P. 671–686. – DOI: <https://doi.org/10.1017/S0003055404041413>
- Enikolopov R., Petrova M., Zhuravskaya E.* Media and political persuasion: Evidence from Russia // *American Economic Review*. – 2011. – Vol. 101, N 7. – P. 3253–3285. – DOI: <https://doi.org/10.1257/aer.101.7.3253>
- Fiorina M.P.* Retrospective voting in American national elections. – Yale : Yale university press, 1981. – 288 p.
- Franchino F., Zucchini F.* Voting in a multi-dimensional space: A conjoint analysis employing valence and ideology attributes of candidates // *Political science research and methods*. – 2015. – Vol. 3, N 2. – P. 221–241. – DOI: <https://doi.org/10.1017/psrm.2014.24>
- Frye T., Reuter O.J., Szakonyi D.* Political machines at work voter mobilization and electoral subversion in the workplace // *World politics*. – 2014. – Vol. 66, N 2. – P. 195–228. – DOI: <https://doi.org/10.1017/s004388711400001x>
- Gallego A., Marx P.* Multi-dimensional preferences for labour market reforms: a conjoint experiment // *Journal of European public policy*. – 2017. – Vol. 24, N 7. – P. 1027–1047. – DOI: <https://doi.org/10.1080/13501763.2016.1170191>
- Gasiorowski M.J.* Economic crisis and political regime change: An event history analysis // *American political science review*. – 1995. – Vol. 89, N 4. – P. 882–897. – DOI: <https://doi.org/10.2307/2082515>
- Gehlbach S.* Reflections on Putin and the Media // *Post-Soviet affairs*. – 2010. – Vol. 26, N 1. – P. 77–87. – DOI: <https://doi.org/10.2747/1060-586X.26.1.77>
- Giger N.* Do voters punish the government for welfare state retrenchment? A comparative study of electoral costs associated with social policy // *Comparative European politics*. – 2010. – Vol. 8, N 4. – P. 415–443. – DOI: <https://doi.org/10.1057/cep.2009.4>
- Giger N., Nelson M.* The electoral consequences of welfare state retrenchment: Blame avoidance or credit claiming in the era of permanent austerity? // *European journal of political research*. – 2011. – Vol. 50, N 1. – P. 1–23. – DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1475-6765.2010.01922.x>
- Giger N., Nelson M.* The welfare state or the economy? Preferences, constituencies, and strategies for retrenchment // *European sociological review*. – 2013. – Vol. 29, N 5. – P. 1083–1094. – DOI: <https://doi.org/10.1093/esr/jcs082>
- Golosov G.V.* Voter Volatility in electoral authoritarian regimes: testing the “Tragic Brilliance” thesis // *Comparative sociology*. – 2016. – Vol. 15, N 5. – P. 535–559. – DOI: <https://doi.org/10.1163/15691330-12341399>
- Gourevitch P.* Politics in hard times: Comparative responses to international economic crises. – New York : Cornell university press, 1986. – 272 p.

- Green P.E., Rao V.R.* Conjoint measurement-for quantifying judgmental data // Journal of marketing research. – 1971. – Vol. 8, N 3. – P. 355–363. – DOI: <https://doi.org/10.2307/3149575>
- Guriev S., Treisman D.* A theory of informational autocracy // Journal of public economics. – 2020. – Vol. 186. – P. 104–158. – DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2020.104158>
- Guriev S., Treisman D.* Informational autocrats // Journal of economic perspectives. – 2019. – Vol. 33, N 4. – P. 100–127. – DOI: <https://doi.org/10.1257/jep.33.4.100>
- Haggard S., Kaufman R.* Development, democracy, and welfare states: Latin America, East Asia, and Eastern Europe. – Princeton : Princeton university press, 2008. – 472 p. – DOI: <https://doi.org/10.1086/651961>
- Hainmueller J., Hopkins D.J.* The hidden American immigration consensus: A conjoint analysis of attitudes toward immigrants // American journal of political science. – 2015. – Vol. 59, N 3. – P. 529–548. – DOI: <https://doi.org/10.1111/ajps.12138>
- Hainmueller J., Hopkins D.J., Yamamoto T.* Causal inference in conjoint analysis: Understanding multidimensional choices via stated preference experiments // Political analysis. – 2014. – Vol. 22, N 1. – P. 1–30. – DOI: <https://doi.org/10.1093/pan/mpt024>
- Häusermann S., Kurer T., Traber D.* The politics of trade-offs: studying the dynamics of welfare state reform with conjoint experiments // Comparative political studies. – 2019. – Vol. 52, N 7. – P. 1059–1095. – DOI: <https://doi.org/10.1177/001401818797943>
- Healy A., Malhotra N.* Retrospective voting reconsidered // Annual review of political science. – 2013. – Vol. 16. – P. 285–306. – DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev-polisci-032211-212920>
- Hellman J.S.* Winners take all: the politics of partial reform in postcommunist transitions // World politics. – 1998. – Vol. 50, N 2. – P. 203–234. – DOI: <https://doi.org/10.1017/s0043887100008091>
- Hobolt S.B., Tilley J.* Blaming Europe?: Responsibility without accountability in the European union. – Oxford : Oxford university press, 2014. – 208 p. – DOI: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199665686.001.0001>
- Horiuchi Y., Smith D.M., Yamamoto T.* Measuring voters' multidimensional policy preferences with conjoint analysis: Application to Japan's 2014 election // Political analysis. – 2017. – Vol. 26, N 2. – P. 190–209. – DOI: <https://doi.org/10.1017/pan.2018.2>
- Is Putin's popularity real? / *T. Frye, S. Gehlbach, K.L. Marquardt, O.J. Reuter* // Post-Soviet affairs. – 2017. – Vol. 33, N 1. – P. 1–15. – DOI: <https://doi.org/10.1080/1060586X.2016.1144334>
- Jensen C.* Labour market-versus life course-related social policies: understanding cross-programme differences // Journal of European public policy. – 2012. – Vol. 19, N 2. – P. 275–291. – DOI: <https://doi.org/10.1080/13501763.2011.599991>
- Key V.O.* The responsible electorate. – Cambridge, MA : Harvard university press, 1966. – 150 p.
- Kitschelt H.* Partisan competition and welfare state retrenchment: When do politicians choose unpopular policies // The new politics of the welfare state / P. Pierson (ed). – Oxford : Oxford scholarship online, 2001. – P. 265–302. – DOI: <https://doi.org/10.1093/0198297564.003.0010>

- Klein J.G.* Negativity effects in impression formation: A test in the political arena // Personality and social psychology bulletin. – 1991. – Vol. 17, N 4. – P. 412–418. – DOI: <https://doi.org/10.1177%2F0146167291174009>
- König P.D., Wenzelburger G.* Toward a theory of political strategy in policy analysis // Politics & Policy. – 2014. – Vol. 42, N 3. – P. 400–430. – DOI: <https://doi.org/10.1111/polp.12076>
- Lau R.R.* Two explanations for negativity effects in political behavior // American journal of political science. – 1985. – Vol. 29, N 1. – P. 119–138. – DOI: <https://doi.org/10.2307/2111215>
- Levitsky S., Way L.A.* Competitive authoritarianism: Hybrid regimes after the Cold War. – Cambridge : Cambridge university press, 2010. – 536 p.
- Lewis-Beck M.S., Stegmaier M.* Economic determinants of electoral outcomes // Annual review of political science. – 2000. – Vol. 3, N 1. – P. 183–219. – DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.3.1.183>
- Linz J., Stepan A.* The breakdown of democratic regimes. – Baltimore : Johns Hopkins university press, 1978. – 144 p.
- Logvinenko I.* Authoritarian Welfare State, Regime Stability, and the 2018 Pension Reform in Russia // Communist and Post-Communist studies. – 2020. – Vol. 53, N 1. – P. 100–116. – DOI: <https://doi.org/10.1525/cpcs.2020.53.1.100>
- Maestas C.D., Rugeley C.R.* Assessing the “Experience bonus” through examining strategic entry, candidate quality, and campaign receipts in US house elections // American journal of political science. – 2008. – Vol. 52, N 3. – P. 520–535. – DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1540-5907.2008.00327.x>
- Magaloni B.* Voting for autocracy: Hegemonic party survival and its demise in Mexico. – Cambridge : Cambridge university press, 2006. – 316 p. – DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511510274>
- Mares I., Carnes M.E.* Social policy in developing countries // Annual Review of Political Science. – 2009. – Vol. 12. – P. 93–113. – DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.12.071207.093504>
- Marx P., Schumacher G.* The effect of economic change and elite framing on support for welfare state retrenchment: A survey experiment // Journal of European social policy. – 2016. – Vol. 26, N 1. – P. 20–31. – DOI: <https://doi.org/10.1177%2F0958928715621711>
- Mueller J.E.* Presidential popularity from Truman to Johnson // The American political science review. – 1970. – Vol. 64, N 1. – P. 18–34. – DOI: <https://doi.org/10.2307/1955610>
- Nadeau R., Lewis-Beck M.S.* National economic voting in US presidential elections // Journal of politics. – 2001. – Vol. 63, N 1. – P. 159–181. – DOI: <https://doi.org/10.1111/0022-3816.00063>
- Norpoth H.* Divided government and economic voting // The Journal of politics. – 2001. – Vol. 63, N 2. – P. 414–435. – DOI: <https://psycnet.apa.org/doi/10.1111/0022-3816.00073>
- Pape R.A.* Why economic sanctions do not work // International security. – 1997. – Vol. 22, N 2. – P. 90–136. – DOI: <https://doi.org/10.2307/2539368>

- Pepinsky T.B.* Economic crises and the breakdown of authoritarian regimes: Indonesia and Malaysia in comparative perspective. – Cambridge : Cambridge university press, 2009. – 346 p.
- Pepinsky T.B.* The global economic crisis and the politics of non-transitions // Government and opposition. – 2012. – Vol. 47, N 2. – P. 135–161. – DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1477-7053.2011.01361.x>
- Petrov N., Lipman M., Hale H.E.* Three dilemmas of hybrid regime governance: Russia from Putin to Putin // Post-Soviet affairs. – 2014. – Vol. 30, N 1. – P. 1–26. – DOI: <https://doi.org/10.1080/1060586X.2013.825140>
- Pierson P.* Dismantling the welfare state? Reagan, Thatcher and the politics of retrenchment. – Cambridge : Cambridge university press, 1994. – 224 p. – DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511805288>
- Pierson P.* The new politics of the welfare state // World politics. – 1996. – Vol. 48, N 2. – P. 143–179. – DOI: <https://doi.org/10.1353/wp.1996.0004>
- Pop-Eleches G., Tucker J.A.* Communism's shadow: Historical legacies and contemporary political attitudes. – Princeton : Princeton university press, 2017. – 344 p.
- Robertson G.B.* The politics of protest in hybrid regimes: Managing dissent in post-communist Russia. – N.Y. : Cambridge university press, 2011. – 304 p.
- Rose R., Munro N., Mishler W.* Resigned acceptance of an incomplete democracy: Russia's political equilibrium // Post-Soviet affairs. – 2004. – Vol. 20, N 3. – P. 195–218. – DOI: <https://doi.org/10.2747/1060-586X.20.3.195>
- Rosenfeld B.* The popularity costs of economic crisis under electoral authoritarianism: evidence from Russia // American journal of political science. – 2018. – Vol. 62, N 2. – P. 382–397. – DOI: <https://doi.org/10.1111/ajps.12338>
- Rozenas A., Stukal D.* How autocrats manipulate economic news: Evidence from Russia's state-controlled television // The Journal of politics. – 2019. – Vol. 81, N 3. – P. 982–996. – DOI: <https://doi.org/10.1086/703208>
- Rozin P., Royzman E.B.* Negativity bias, negativity dominance, and contagion // Personality and social psychology review. – 2001. – Vol. 5, N 4. – P. 296–320. – DOI: https://doi.org/10.1207/s15327957PSPR0504_2
- Salmina A.* Social attitudes towards welfare policies in Russia and other European countries // International Social Work. – 2014. – Vol. 57, N 5. – P. 459–469. – DOI: <https://doi.org/10.1177/0020872814536414>
- Sanovich S., Stukal D., Tucker J.A.* Turning the virtual tables: Government strategies for addressing online opposition with an application to Russia // Comparative politics. – 2018. – Vol. 50, N 3. – P. 435–482. – DOI: <https://doi.org/10.5129/001041518822704890>
- Savin N., Kashirskikh O., Mavletova A.* Fragility of strong media effects in authoritarian environment (Evidence from Russia) // European journal of communication. – 2018. – Vol. 33, N 5. – P. 471–488. – DOI: <https://doi.org/10.1177/0267323118775305>
- Schedler A.* The logic of electoral authoritarianism // Electoral authoritarianism: The dynamics of unfree competition. – 2006. – Vol. 1, N 6. – P. 1–23.
- Scheufele D.A., Iyengar S.* The state of framing research: A call for new directions. // The Oxford handbook of political communication theories / K. Kenski,

- K.H. Jamieson (eds). – Oxford : Oxford university press, 2017. – P. 618–632. – DOI: <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199793471.013.47>
- Sirotkina E., Zavadskaya M.* When the party's over: political blame attribution under an electoral authoritarian regime // *Post-Soviet affairs*. – 2020. – Vol. 36, N 1. – P. 37–60. – DOI: <https://doi.org/10.1080/1060586X.2019.1639386>
- Slothuus R., De Vreese C.H.* Political parties, motivated reasoning, and issue framing effects // *The Journal of politics*. – 2010. – Vol. 72, N 3. – P. 630–645. – DOI: <https://doi.org/10.1017/S002238161000006X>
- Sobolev A.* How pro-government “trolls” influence online conversations in Russia. – Los Angeles : University of California Los Angeles, 2018. – 27 p.
- Social capital and preferences for redistribution to target groups / *E. Borisova, A. Govorun, D. Ivanov, I. Levina* // *European Journal of Political Economy*. – 2018. – Vol. 54. – P. 56–67. – DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ejpoleco.2018.05.006>
- Soroka S., McAdams S.* News, politics, and negativity // *Political communication*. – 2015. – Vol. 32, N 1. – P. 1–22. – DOI: <https://doi.org/10.1080/10584609.2014.881942>
- Starke P.* The politics of welfare state retrenchment: A literature review // *Social policy & administration*. – 2006. – Vol. 40, N 1. – P. 104–120. – DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9515.2006.00479.x>
- The logic of political survival / *B. Bueno de Mesquita, A. Smith, R. Siverson, J.D. Morrow*. – Cambridge : MIT Press, 2003. – 550 p.
- Treisman D.* Presidential popularity in a hybrid regime: Russia under Yeltsin and Putin // *American journal of political science*. – 2011. – Vol. 55, N 3. – P. 590–609. – DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1540-5907.2010.00500.x>
- Treisman D.* Putin's popularity since 2010: why did support for the Kremlin plunge, then stabilize? // *Post-Soviet affairs*. – 2014. – Vol. 30, N 5. – P. 370–388. – DOI: <https://doi.org/10.1080/1060586X.2014.904541>
- Trial by fire: a natural Disaster's impact on support for the authorities in rural Russia / *E. Lazarev, A. Sobolev, I.V. Soboleva, B. Sokolov* // *World Politics*. – 2014. – Vol. 66, N 4. – P. 641–668. – DOI: <https://doi.org/10.1017/S0043887114000215>
- Van Oorschot W., Gugushvili D.* Retrenched, but still desired? Perceptions regarding the social legitimacy of the welfare state in Russia compared with EU Countries // *Europe-Asia Studies*. – 2019. – Vol. 71, N 3. – P. 345–364. – DOI: <https://doi.org/10.1080/09668136.2019.1583316>
- Weaver R.K.* The politics of blame avoidance // *Journal of public policy*. – 1986. – Vol. 6, N 4. – P. 371–398. – DOI: <https://doi.org/10.1017/S0143814X00004219>
- Welfare reform, protest and stability in the light of reforms of old-age pensions, housing and primary education / *J. Holm-Hansen, M. Berg-Nordlie, A. Aasland, L. Cook* // *Russian politics*. – 2019. – Vol. 4, N 3. – P. 354–374. – DOI: <https://doi.org/10.1163/2451-8921-00403004>
- Wenzelburger G., Hörisch F.* Framing effects and comparative social policy reform: Comparing blame avoidance evidence from two experiments // *Journal of comparative policy analysis: research and practice*. – 2016. – Vol. 18, N 2. – P. 157–175. – DOI: <https://doi.org/10.1080/13876988.2015.1053743>

Youth protests against education privatization reforms in Post-Soviet States / I. Silova, V. Brezheniuk, M. Kudasova, O. Mun, N. Artemev // European Education. – 2014. – Vol. 46, N 3. – P. 75–99. – DOI: <https://doi.org/10.2753/EUE1056-4934460304>

B.O. Sokolov, M.A. Zavadskaya, E.A. Kamalov*
Factors of mass support for government
in the times of structural reforms¹

Abstract. Any country in order to stay afloat sooner or later is forced to undertake large-scale internal reforms in various policy areas. However, structural reforms often bear adverse consequences for the population. As the studies of the US and European states show, one of the most crucial negative consequences is the decrease in mass support for the government that has initiated the reform. The latter manifests itself in a drop of approval ratings, trust in government, propensity to vote for the incumbent at the forthcoming elections. Such a decrease may lead to decreased legitimacy of the political power, thereby destabilizing the current political system. Is it possible to strike the balance between the necessity of reform and upholding trust on the society's behalf? Can a government carry out painful reforms without provoking hatred? What conditions facilitate such balance? Although the factors of mass support play the central role in nowadays' political science, the answers to the questions mentioned above remain unanswered. This article examines different options available to governments in order to preserve their mass support and legitimacy when conducting unpopular reforms, with a special emphasis on media framing. Using various theoretical sources and the recent literature on political support in Russia, it identifies various factors that may facilitate the use of the latter option in the Russian context.

Keywords: welfare retrenchment; retrospective voting; blame avoidance; political support; framing effects; public opinion.

For citation: Sokolov B.O., Zavadskaya M.A., Kamalov E.A. Factors of mass support for government in the times of structural. *Political science (RU)*. 2021, N 2, P. 73–104. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.02.03>

---

* **Sokolov Boris**, HSE University (St. Petersburg, Russia), e-mail: bssokolov@gmail.com; **Zavadskaya Margarita**, HSE University (St. Petersburg, Russia); European University at St. Petersburg (St. Petersburg, Russia); University of Helsinki (Helsinki, Finland), e-mail: mzavadskaya@eu.spb.ru; **Kamalov Emil**, HSE University (St. Petersburg, Russia); European University (St. Petersburg, Russia), e-mail: em.kamalov@gmail.com

¹ The article was prepared within the framework of the Basic Research Program of the HSE University Basic Research Program and funded by the Russian Academic Excellence Project '5–100'.

References

- Barta Z. *In the Red: the politics of public debt accumulation in developed countries*. Ann Arbor : University of Michigan press, 2018, 210 p. DOI: <http://dx.doi.org/10.3998/mpub.9726915>
- Beazer Q.H., Reuter O.J. Who is to blame? Political centralization and electoral punishment under authoritarianism. *The journal of politics*. 2019, Vol. 81, N 2, P. 648–662. DOI: <https://doi.org/10.1086/701834>
- Beissinger M.R. Sasse G. An end to “patience”? The Great Recession and economic protest in Eastern Europe. In: Bermeo N., Bartels L. (eds). *Mass politics in tough times: opinions, votes and protest in the great recession*. Oxford : Oxford university press, 2014, P. 334–371.
- Borisova E., Govorun A., Ivanov D., Levina I. Social capital and preferences for redistribution to target groups. *European journal of political economy*. 2018, Vol. 54, P. 56–67. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ejpoleco.2018.05.006>
- Brooks C., Manza J. Why do welfare states persist? *The journal of politics*. 2006 a, Vol. 68, N 4, P. 816–827. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1468-2508.2006.00472.x>
- Brooks C., Manza J. Social policy responsiveness in developed democracies. *American sociological review*. 2006 b, Vol. 71, N 3, P. 474–494. DOI: <https://doi.org/10.1177%2F000312240607100306>
- Bueno de Mesquita B., Smith A., Siverson R., Morrow J.D. *The logic of political survival*. Cambridge : MIT press, 2003, 550 p.
- Carnes N., Lupu N. Do voters dislike working-class candidates? Voter biases and the descriptive underrepresentation of the working class. *American political science review*. 2016, Vol. 110, N 4, P. 832–844. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0003055416000551>
- Chong D., Druckman J.N. Framing public opinion in competitive democracies. *American political science review*. 2007 a, Vol. 101, N 4, P. 637–655. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0003055407070554>
- Chong D., Druckman J.N. Framing theory. *Annual review of political science*. 2007 b, Vol. 10, P. 103–126. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.10.072805.103054>
- Cook L.J. *Postcommunist welfare states: Reform politics in Russia and Eastern Europe*. New York : Cornell university press, 2011, 268 p.
- Diaz-Cayeros A., Estévez F., Magaloni B. *The political logic of poverty relief: Electoral strategies and social policy in Mexico*. Cambridge : Cambridge university press, 2016, 258 p.
- Druckman J.N. Political preference formation: Competition, deliberation, and the (ir) relevance of framing effects. *American political science review*. 2004, P. 671–686. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0003055404041413>
- Enikolopov R., Petrova M., Zhuravskaya E. Media and political persuasion: Evidence from Russia. *American economic review*. 2011, Vol. 101, N 7, P. 3253–3285. DOI: <https://doi.org/10.1257/aer.101.7.3253>
- Fiorina M.P. *Retrospective voting in American national elections*. Yale : Yale university press, 1981, 288 p.

- Franchino F., Zucchini F. Voting in a multi-dimensional space: A conjoint analysis employing valence and ideology attributes of candidates. *Political science research and methods*. 2015, Vol. 3, N 2, P. 221–241. DOI: <https://doi.org/10.1017/psrm.2014.24>
- Frye T., Gehlbach S., Marquardt K.L., Reuter O.J. Is Putin's popularity real? *Post-Soviet affairs*. 2017, Vol. 33, N 1, P. 1–15. DOI: <https://doi.org/10.1080/1060586X.2016.1144334>
- Frye T., Reuter O.J., Szakonyi D. Political machines at work voter mobilization and electoral subversion in the workplace. *World politics*. 2014, Vol. 66, N 2, P. 195–228. DOI: <https://doi.org/10.1017/S004388711400001X>
- Gallego A., Marx P. Multi-dimensional preferences for labour market reforms: a conjoint experiment. *Journal of European public policy*. 2017, Vol. 24, N 7, P. 1027–1047. DOI: <https://doi.org/10.1080/13501763.2016.1170191>
- Gasiorowski M.J. Economic crisis and political regime change: An event history analysis. *American political science review*. 1995, Vol. 89, N 4, P. 882–897. DOI: <https://doi.org/10.2307/2082515>
- Gehlbach S. Reflections on Putin and the Media. *Post-Soviet affairs*. 2010, Vol. 26, N 1, P. 77–87. DOI: <https://doi.org/10.2747/1060-586X.26.1.77>
- Giger N. Do voters punish the government for welfare state retrenchment? A comparative study of electoral costs associated with social policy. *Comparative European politics*. 2010, Vol. 8, N 4, P. 415–443. DOI: <https://doi.org/10.1057/cep.2009.4>
- Giger N., Nelson M. The electoral consequences of welfare state retrenchment: Blame avoidance or credit claiming in the era of permanent austerity? *European journal of political research*. 2011, Vol. 50, N 1, P. 1–23. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1475-6765.2010.01922.x>
- Giger N., Nelson M. The welfare state or the economy? Preferences, constituencies, and strategies for retrenchment. *European sociological review*. 2013, Vol. 29, N 5, P. 1083–1094. <https://doi.org/10.1093/esr/jcs082>
- Golosov G.V. Voter volatility in electoral authoritarian regimes: testing the “Tragic Brilliance” thesis. *Comparative sociology*. 2016, Vol. 15, N 5, P. 535–559. DOI: <https://doi.org/10.1163/15691330-12341399>
- Gourevitch P. *Politics in hard times: Comparative responses to international economic crises*. New York : Cornell university press, 1986, 272 p.
- Green P.E., Rao V.R. Conjoint measurement-for quantifying judgmental data. *Journal of Marketing research*. 1971, Vol. 8, N 3, P. 355–363. DOI: <https://doi.org/10.2307/3149575>
- Guriev S., Treisman D. A theory of informational autocracy. *Journal of public economics*. 2020, Vol. 186, P. 104–158. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2020.104158>
- Guriev S., Treisman D. Informational autocrats. *Journal of economic perspectives*. 2019, Vol. 33, N 4, P. 100–127. DOI: <https://doi.org/10.1257/jep.33.4.100>
- Haggard S., Kaufman R. *Development, democracy, and welfare states: Latin America, East Asia, and Eastern Europe*. Princeton : Princeton university press, 2008, 472 p. DOI: <https://doi.org/10.1086/651961>
- Hainmueller J., Hopkins D.J. The hidden American immigration consensus: A conjoint analysis of attitudes toward immigrants. *American journal of political science*. 2015, Vol. 59, N 3, P. 529–548. DOI: <https://doi.org/10.1111/ajps.12138>

- Hainmueller J., Hopkins D.J., Yamamoto T. Causal inference in conjoint analysis: Understanding multidimensional choices via stated preference experiments. *Political analysis*. 2014, Vol. 22, N 1, P. 1–30. DOI: <https://doi.org/10.1093/pan/mpt024>
- Häusermann S., Kurer T., Traber D. The politics of trade-offs: studying the dynamics of welfare state reform with conjoint experiments. *Comparative political studies*. 2019, Vol. 52, N 7, P. 1059–1095. DOI: <https://doi.org/10.1177%2F0010414018797943>
- Healy A., Malhotra N. Retrospective voting reconsidered. *Annual review of political science*. 2013, Vol. 16, P. 285–306. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev-polisci-032211-212920>
- Hellman J.S. Winners take all: the politics of partial reform in postcommunist transitions. *World politics*. 1998, Vol. 50, N 2, P. 203–234. DOI: <https://doi.org/10.1017/s0043887100008091>
- Hobolt S.B., Tilley J. *Blaming europe?: Responsibility without accountability in the european union*. Oxford : Oxford university press, 2014, 208 p. DOI: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199665686.001.0001>
- Holm-Hansen J., Berg-Nordlie M., Aasland A., Cook L. Welfare reform, protest and stability in the light of reforms of old-age pensions, housing and primary education. *Russian politics*. 2019, Vol. 4, N 3, P. 354–374. DOI: <https://doi.org/10.1163/2451-8921-00403004>
- Horiuchi Y., Smith D.M., Yamamoto T. Measuring voters' multidimensional policy preferences with conjoint analysis: Application to Japan's 2014 election. *Political analysis*. 2017, Vol. 26, N 2, P. 190–209. DOI: <https://doi.org/10.1017/pan.2018.2>
- Jensen C. Labour market-versus life course-related social policies: understanding cross-programme differences. *Journal of European public policy*. 2012, Vol. 19, N 2, P. 275–291. DOI: <https://doi.org/10.1080/13501763.2011.599991>
- Key V.O. *The responsible electorate*. Cambridge, MA : Harvard university press, 1966, 150 p.
- Kitschelt H. Partisan competition and welfare state retrenchment: When do politicians choose unpopular policies. In: Pierson P. (ed). *The new politics of the welfare state*. Oxford : Oxford scholarship online, 2001, P. 265–302. DOI: <https://doi.org/10.1093/0198297564.003.0010>
- Klein J.G. Negativity effects in impression formation: A test in the political arena. *Personality and social psychology bulletin*. 1991, Vol. 17, N 4, P. 412–418. DOI: <https://doi.org/10.1177%2F0146167291174009>
- König P.D., Wenzelburger G. Toward a theory of political strategy in policy analysis. *Politics & Policy*. 2014, Vol. 42, N 3, P. 400–430. <https://doi.org/10.1111/polp.12076>
- Lau R.R. Two explanations for negativity effects in political behavior. *American journal of political science*. 1985, Vol. 29, N 1, P. 119–138. DOI: <https://doi.org/10.2307/2111215>
- Lazarev E., Sobolev A., Soboleva I.V., Sokolov B. Trial by fire: a natural Disaster's impact on support for the authorities in rural Russia. *World politics*. 2014, Vol. 66, N 4, P. 641–668. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0043887114000215>
- Levitsky S., Way L.A. *Competitive authoritarianism: Hybrid regimes after the Cold War*. Cambridge : Cambridge university press, 2010, 536 p.

- Lewis-Beck M.S., Stegmaier M. Economic determinants of electoral outcomes. *Annual review of political science*. 2000, Vol. 3, N 1, P. 183–219. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.3.1.183>
- Lin J., Stepan A. *The breakdown of democratic regimes*. Baltimore : Johns Hopkins university press, 1978, 144 p.
- Logvinenko I. Authoritarian Welfare State, Regime Stability, and the 2018 Pension Reform in Russia. *Communist and Post-Communist studies*. 2020, Vol. 53, N 1, P. 100–116. DOI: <https://doi.org/10.1525/cpcs.2020.53.1.100>
- Maestas C.D., Rugeley C.R. Assessing the “Experience bonus” through examining strategic entry, candidate quality, and campaign receipts in US house elections. *American journal of political science*. 2008, Vol. 52, N 3, P. 520–535. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1540-5907.2008.00327.x>
- Magaloni B. *Voting for autocracy: Hegemonic party survival and its demise in Mexico*. Cambridge: Cambridge university press, 2006, 316 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511510274>
- Mares I., Cames M.E. Social policy in developing countries. *Annual Review of Political science*. 2009, Vol. 12, P. 93–113. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.12.071207.093504>
- Marx P., Schumacher G. The effect of economic change and elite framing on support for welfare state retrenchment: A survey experiment. *Journal of European social policy*. 2016, Vol. 26, N 1, P. 20–31. DOI: <https://doi.org/10.1177%2F0958928715621711>
- Mueller J.E. Presidential popularity from Truman to Johnson. *The American political science review*. 1970, Vol. 64, N 1, P. 18–34. DOI: <https://doi.org/10.2307/1955610>
- Nadeau R., Lewis-Beck M.S. National economic voting in US presidential elections. *Journal of politics*. 2001, Vol. 63, N 1, P. 159–181. DOI: <https://doi.org/10.1111/0022-3816.00063>
- Norpoth H. Divided government and economic voting. *The journal of politics*. 2001, Vol. 63, N 2, P. 414–435. DOI: <https://psycnet.apa.org/doi/10.1111/0022-3816.00073>
- Pape R.A. Why economic sanctions do not work. *International security*. 1997, Vol. 22, N 2, P. 90–136. DOI: <https://doi.org/10.2307/2539368>
- Pepinsky T.B. *Economic crises and the breakdown of authoritarian regimes: Indonesia and Malaysia in comparative perspective*. Cambridge: Cambridge university press, 2009, 346 p.
- Pepinsky T.B. The Global Economic Crisis and the Politics of Non-Transitions. *Government and opposition*. 2012, Vol. 47, N 2, P. 135–161. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1477-7053.2011.01361.x>
- Petrov N., Lipman M., Hale H.E. Three dilemmas of hybrid regime governance: Russia from Putin to Putin. *Post-Soviet affairs*. 2014, Vol. 30, N 1, P. 1–26. DOI: <https://doi.org/10.1080/1060586X.2013.825140>
- Pierson P. *Dismantling the welfare state? Reagan, Thatcher and the politics of retrenchment*. Cambridge : Cambridge university press, 1994, 224 p. DOI: DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511805288>
- Pierson P. The new politics of the welfare state. *World politics*. 1996, Vol. 48, N 2, P. 143–179. DOI: <https://doi.org/10.1353/wp.1996.0004>
- Pop-Eleches G., Tucker J.A. *Communism's shadow: Historical legacies and contemporary political attitudes*. Princeton : Princeton university press, 2017, 344 p.

- Robertson G.B. The politics of protest in hybrid regimes: Managing dissent in post-communist Russia. New York : Cambridge university press, 2011, 304 p.
- Rose R., Munro N., Mishler W. Resigned acceptance of an incomplete democracy: Russia's political equilibrium. *Post-Soviet affairs*. 2004, Vol. 20, N 3, P. 195–218. DOI: <https://doi.org/10.2747/1060-586X.20.3.195>
- Rosenfeld B. The popularity costs of economic crisis under electoral authoritarianism: evidence from Russia. *American journal of political science*. 2018, Vol. 62, N 2, P. 382–397. DOI: <https://doi.org/10.1111/ajps.12338>
- Rozenas A., Stukal D. How autocrats manipulate economic news: Evidence from Russia's state-controlled television. *The journal of politics*. 2019, Vol. 81, N 3, P. 982–996. DOI: <https://doi.org/10.1086/703208>
- Rozin P., Royzman E.B. Negativity bias, negativity dominance, and contagion. *Personality and social psychology review*. 2001, Vol. 5, N 4, P. 296–320. DOI: https://doi.org/10.1207/s15327957PSPR0504_2
- Salmina A. Social attitudes towards welfare policies in Russia and other European countries. *International Social Work*. 2014, Vol. 57, N 5, P. 459–469. DOI: <https://doi.org/10.1177/0020872814536414>
- Sanovich S., Stukal D., Tucker J.A. Turning the virtual tables: Government strategies for addressing online opposition with an application to Russia. *Comparative politics*. 2018, Vol. 50, N 3, P. 435–482. DOI: <https://doi.org/10.5129/001041518822704890>
- Savin N., Chmel K. Limitations of the media frames theory in non-democratic context. *Communications. Media. Design*. 2017, Vol. 2, N 4, P. 49–66. (In Russ.)
- Savin N., Kashirskikh O., Mavletova A. Fragility of strong media effects in authoritarian environment (Evidence from Russia). *European journal of communication*. 2018, Vol. 33, N 5, P. 471–488. DOI: <https://doi.org/10.1177/02F0267323118775305>
- Schedler A. The logic of electoral authoritarianism. *Electoral authoritarianism: The dynamics of unfree competition*. 2006, Vol. 1, N 6, P. 1–23.
- Scheufele D.A., Iyengar S. The state of framing research: A call for new directions. In: Kenski K., Jamieson K.H. (eds). *The Oxford handbook of political communication theories*. Oxford: Oxford university press, 2017, P. 618–632. DOI: <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199793471.013.47>
- Senashenko V., Tkach G. Some trends in Russian Higher School reforming. *Higher education in Russia*. 2010, N 10, P. 29–42. (In Russ.)
- Shishkin P.V. Russian health care system: reforms or crisis? *The journal of the new economic association*. 2014, N 3, P. 162–164. (In Russ.)
- Silova I., Brezheniuk, V., Kudasova, M., Mun, O., Artemev, N. Youth protests against Education Privatization Reforms in Post-Soviet States. *European education*. 2014, Vol. 46, N 3, P. 75–99. DOI: <https://doi.org/10.2753/EUE1056-4934460304>
- Sirotkina E., Zavadsкая M. When the party's over: political blame attribution under an electoral authoritarian regime. *Post-Soviet affairs*. 2020, Vol. 36, N 1, P. 37–60. DOI: <https://doi.org/10.1080/1060586X.2019.1639386>
- Sirotkina E.V., Zavadsкая M.A. When the power is held responsible for economic crises: Studies of responsibility attribution to the power in comparative perspective. *Political science (RU)*. 2016, N 4, P. 242–261. (In Russ.)

- Slothuus R., De Vreese C.H. Political parties, motivated reasoning, and issue framing effects. *The Journal of politics*. 2010, Vol. 72, N 3, P. 630–645. DOI: <https://doi.org/10.1017/S002238161000006X>
- Sobolev A. *How pro-government “trolls” influence online conversations in Russia*. Los Angeles : University of California Los Angeles, 2018, 27 p.
- Sokolov B., Inglehart R.F., Ponarin E., Vartanova I., Zimmerman W. Disillusionment and anti-Americanism in Russia: From pro-American to anti-American attitudes, 1993–2009. *International studies quarterly*. 2018, Vol. 62, N 3, P. 534–547. DOI: <https://doi.org/10.1093/isq/sqy013>
- Soroka S., McAdams S. News, politics, and negativity. *Political communication*. 2015, Vol. 32, N 1, P. 1–22. DOI: <https://doi.org/10.1080/10584609.2014.881942>
- Starke P. The politics of welfare state retrenchment: A literature review. *Social policy & administration*. 2006, Vol. 40, N 1, P. 104–120. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9515.2006.00479.x>
- Stokes S.C., Dunning T., Nazareno M., Brusco V. *Brokers, voters, and clientelism: The puzzle of distributive politics*. Cambridge : Cambridge university press, 2013, 344 p.
- Treisman D. Presidential popularity in a hybrid regime: Russia under Yeltsin and Putin. *American journal of political science*. 2011, Vol. 55, N 3, P. 590–609. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1540-5907.2010.00500.x>
- Treisman D. Putin's popularity since 2010: why did support for the Kremlin plunge, then stabilize? *Post-Soviet affairs*. 2014, Vol. 30, N 5, P. 370–388. DOI: <https://doi.org/10.1080/1060586X.2014.904541>
- Van Oorschot W., Gugushvili D. Retrenched, but still desired? Perceptions regarding the social legitimacy of the welfare state in Russia compared with EU Countries. *Europe-Asia Studies*. 2019, Vol. 71, N 3, P. 345–364. DOI: <https://doi.org/10.1080/09668136.2019.1583316>
- Vishnevskij A.G., Kuz'minov Ja.I., Shevskij V.I., Shejman I.M., Shishkin S.V., Jakobson L.I., Jasin E.G. *Russian healthcare: how to overcome the crisis*. Moscow : The Higher School of Economics Publishing House, 2006, 25 p. (In Russ.)
- Weaver R.K. The politics of blame avoidance. *Journal of public policy*. 1986, Vol. 6, N 4, P. 371–398. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0143814X00004219>
- Wenzelburger G., Hörisch F. Framing effects and comparative social policy reform: Comparing blame avoidance evidence from two experiments. *Journal of comparative policy analysis: research and practice*. 2016, Vol. 18, N 2, P. 157–175. DOI: <https://doi.org/10.1080/13876988.2015.1053743>